

Потеря реальности при неврозе и психозе (1924а)

перевод А.М.Боковикова, редакция М.С Козлова

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

- 1924 Int. Z Psychoanal., т. 10 (4), 374-379.
- 1924 G. S..Т.6, 409-414.
- 1926 Psychoanalyse der Neurosen, 178-184.
- 1931 Neurosenlehre und Technik, 199-204.
- 1940 G. Ж.,т. 13,363-368.

Из примечания к первому английскому переводу, вышедшему в 1924 году (Collected Papers, v. 2, 277), следует, что английский вариант в переводе Джоан Ривьер фактически был опубликован еще до немецкого оригинала.

Рукопись данной работы была завершена в конце мая 1924 ода; в том же месяце ее прочел Абрахам, что следует из его неопубликованного письма Фройдю от 25 мая. (Ср. Jones, 19626, 133.) Фройд продолжает здесь дискуссию, начатую в работе “Невроз

и психоз”, развивает свои идеи и их корректирует. Некоторые сомнения в правомерности деления, предпринятого в двух этих работах, позднее обсуждаются Фройдом в работе под названием “Фетишизм” (1927с).

Потеря реальности при неврозе и психозе

Недавно я свел одну из характерных особенностей, отличающих невроз от психоза, к тому, что в первом случае Я, зависящее от реальности, подавляет часть Оно (жизни влечений), тогда как при психозе то же самое Я, служа Оно, отказывается от части реальности. Следовательно, для невроза решающим оказывается преобладание влияний реальности, для психоза — превосходство Оно. Потеря реальности присуща психозу с самого начала; надо полагать, что при неврозе ее удастся избежать.

Ибо оно существует лишь до тех пор, пока мы рассматриваем исходную ситуацию невроза, в которой Я, служащее реальности, совершает вытеснение импульса влечения. Но это пока еще не невроз как таковой. Скорее, он заключается в процессах, компенсирующих часть Оно, которая потерпела ущерб, то есть в реакции на вытеснение и в неудаче последнего. В таком случае ослабление связи с реальностью есть следствие этого второго шага в образовании невроза, и не приходится удивляться, когда детальное исследование показало, что потеря реальности касается именно той части реальности, по требованию которой и произошло вытеснение влечения.

Характеристика невроза как результата неудавшегося вытеснения не представляет собой ничего нового. Мы всегда говорили¹ это, и только в связи с новыми обстоятельствами возникла необходимость повторить это снова.

Впрочем, то же сомнение снова проявится особенно впечатляюще, когда речь пойдет о случае невроза, повод которого (“травматическая сцена”) известен, и на котором можно увидеть, как человек отгораживается от такого переживания и предаёт его амнезии. Для примера я хочу вернуться к случаю, проанализированному мною много лет назад², когда девушка, влюбленная в своего зятя, у смертного одра сестры была потрясена мыслью: “Теперь он свободен и может на тебе жениться”. Эта сцена тотчас забывается, и тем самым начинается процесс регрессии, который ведет к истерическим болям. Но именно здесь поучительно посмотреть, каким образом невроз пытается уладить этот конфликт. Он обесценивает реальное изменение, вытесняя рассматриваемые притязания влечения, то есть любовь к зятю. Психотическая реакция заключалась бы в отрицании факта смерти сестры³.

Итак, можно было бы ожидать, что при возникновении психоза происходит нечто аналогичное процессу, происходящему при неврозе, — разумеется, между другими инстанциями. То есть что и при психозе станут очевидными два этапа, на первом из которых Я на этот раз отрывается от реальности, а на втором предпринимается попытка возместить ущерб и воссоздается связь с реальностью за счет Оно. И действительно, при психозе можно наблюдать нечто аналогичное; также и здесь есть два этапа, второй из которых носит характер репарации, но на этом аналогия двух во многом тождественных процессов заканчивается. На втором этапе развития психоза тоже предпринимается попытка компенсировать потерю реальности, но не за счет ограничения Оно, как при неврозе — за счет связи с реальностью, а другим, более самовластным путем — через создание новой реальности, которая уже не шокирует так, как покинутая реальность. Таким образом, как при неврозе, так и при психозе второй шаг продиктован одними и теми же тенденциями, в обоих случаях он служит властным стремлениям Оно, которое не дает подчинить себя реальности. Следовательно, и невроз, и психоз — это выражение протеста Оно против внешнего мира, его нежелания или, если угодно, его неумения приспособиться к реальной необходимости, к Ἀνάγκη⁴. Невроз и психоз гораздо больше отличаются друг от друга первой, начальной реакцией, нежели следующей за ней попыткой репарации.

В конечном итоге первоначальное отличие выражается в том, что часть реальности при неврозе избегается, а при психозе перестраивается. Или: при психозе за первоначальным бегством следует активная фаза перестройки, а при неврозе за первоначальным повинованием следует попытка к бегству. Или выражаясь еще иначе: невроз не отрицает реальности, он просто ничего

1 То, что “возвращение вытесненного” и есть “собственно болезнь”, утверждается еще в рукописи “К” в письме Флиссу от 1 января 1896 года (Freud. 1950a). Немного позднее Фрейд повторил эту мысль, причем он говорил о “неудаче защиты” в том же значении, что и “возвращение вытесненного”, а именно в разделе II второй работы, посвященной защитным невропсихозам (1896b).

2 В “Этюдах об истерии” (1895И). [Речь идет о случае “фрейлейн Элизабет фон Р...”. Примерно в середине очерка, а затем еще раз в начале последней трети работы Фрейд приводит несколько другую формулировку.]

3 См. “Предварительные замечания издателей” к работе “Фетишизм” (1927e)

4 Ананке, Ананка (др.-греч. Ἀνάγκη, «неизбежность, судьба, нужда, необходимость») — в древнегреческой мифологии божество необходимости, неизбежности, персонификация рока, судьбы и предопределённости свыше.

не хочет о ней знать; психоз отрицает ее и пытается ее заменить. Нормальным, или “здоровым”, мы называем поведение, которое сочетает в себе определенные черты обеих реакций, которое отрицает реальность столь же мало, как невроз, а затем стремится изменить ее, как психоз. Разумеется, это целесообразное, нормальное поведение ведет к внешне осуществляемой работе над внешним миром и не довольствуется, как при психозе, созданием внутренних изменений; оно уже не аутопластическое, а аллопластическое^{5 6}.

При психозе переработка реальности происходит на материале психических осадков прежних отношений с ней, то есть на материале следов воспоминаний, представлений и суждений, которые были получены от нее прежде и благодаря которым она была представлена в душевной жизни. Но это отношение никогда не было завершенным, оно непрерывно обогащалось и изменялось новыми восприятиями. Таким образом, и для психоза возникает задача создать себе такие восприятия, которые соответствовали бы новой реальности, что наиболее основательно достигается посредством галлюцинаций. Если обманы памяти, бредовые образования и галлюцинации во многих формах и случаях психоза обнаруживают самый неприятный характер и связаны с развитием страха, то это, пожалуй, служит признаком того, что весь процесс преобразования реальности совершается вопреки активно противодействующим силам. Этот процесс мы можем реконструировать по более известному нам образцу невроза. Здесь мы видим, что человек всякий раз реагирует страхом, как только вытесненное влечение дает о себе знать, и что итог конфликта все же представляет собой лишь компромисс и не дает полного удовлетворения. Вероятно, при психозе отвергнутая часть реальности постоянно вторгается в душевную жизнь, как при неврозе — вытесненное влечение, а потому и последствия в обоих случаях одинаковы. Обсуждение различных механизмов, которые при психозах вызывают уход от реальности и ее реконструкцию, а также результатов, которые они могут достигнуть, — это задача особого раздела психиатрии, за решение которой она пока еще не бралась⁷.

Таким образом, следующая аналогия между неврозом и психозом заключается в том, что в обоих случаях задача, за которую тот и другой берутся на втором этапе, частично не решается, поскольку вытесненное влечение не может создать себе полной замены (невроз), а замещение реальности не может вылиться в удовлетворительные формы. (По крайней мере, не во всех формах психических заболеваний.) Однако акценты в этих двух случаях расставлены по-разному. При психозе акцент делается на первом шаге, который сам по себе является патологическим и может привести только к болезни, и наоборот, при неврозе акцент делается на втором шаге, на неудаче вытеснения, тогда как первый шаг может оказаться удачным и действительно бесчисленное множество раз удавался в рамках здоровья, хотя и не без издержек и не без симптомов как последствий потребовавшихся психических затрат. Эти отличия и, возможно, также многие другие суть следствия топического различия в исходной ситуации патогенного конфликта, которое заключается в том, чему уступило в этом конфликте Я — своей приверженности реальному миру или своей зависимости от Оно.

5 См. “Экономическая проблема мазохизма” (1924с)

6 Эти термины, возможно, восходят к Ференци. Который использует их в работе под названием “Феномены истерической материализации” (1919. 24: новое издание, с. 17-18). но он приписывает их Фрейду, который все же по-видимому, употребил их только в вышеупомянутом отрывке

7 Тем не менее ср. некоторые попытки, предпринимавшиеся самим Фрейдом, например, при обсуждении паранойи (1911с), Studienausgabe, т. 7, с. 192-194, и “парафрении”.

Невроз, как правило, довольствуется тем, что избегает соответствующей части реальности и защищает себя от столкновения с ней. Однако резкое различие между неврозом и психозом смягчается тем, что и при неврозе нет недостатка в попытках заменить нежелательную реальность другой, более желательной. Возможность для этого дает существование **мира фантазии**, области, которая в свое время при введении принципа реальности отделилась от внешнего мира; с тех пор благодаря своего рода “пощаде” освобождается от требований жизненной необходимости⁸ и хотя и не является недоступной для Я, все же связана с ним лишь слабыми узами. Из этого мира фантазии невроз заимствует материал для своих новообразованных желаний и обычно находит его там посредством регрессии в более удовлетворительное реальное давнее прошлое.

Едва ли приходится сомневаться, что при психозе мир фантазии играет эту же роль, что также и здесь он представляет собой кладовую, откуда берется материал или образцы для построения новой реальности. Но этот новый, фантастический внешний мир психоза стремится занять место внешней реальности, в противоположность неврозу, который, как в детской игре, охотно опирается на часть реальности (но не на ту, от которой он должен был защищаться), придает ей особое значение и тайный смысл, который мы не всегда правильно называем **символическим**. Таким образом, и при неврозе, и при психозе встает вопрос не только о **потере реальности**, но и о **замене реальности**.

8 Ср. “Положения о двух принципах психического события” (19116).